

УДК 165.0

DOI:

10.15372/PS20200203

А.Ю. Нестеров**ТИПЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РЕЦЕПТИВНОМ
И ПРОЕКТИВНОМ СЕМИОЗИСЕ***

В статье рассматривается проблема неопределенности в рамках полного семиотического круга репрезентации содержаний сознания, включающего в себя познание как рецептивный семиозис и деятельность как проективный семиозис. Цель представленного рассуждения – охарактеризовать в общем виде место и роль неопределенности для каждой ступени рецептивного и проективного семиозиса, продемонстрировать семиотическую природу неопределенности в процессах коммуникации. Метод рассуждения – трансцендентальная семиотика. Используется минимально возможная схема представления процессов познания и деятельности, состоящая из ступеней восприятия, рассудка и разума; познание и деятельность различаются как рецептивное и проективное направления семиозиса. Каждая ступень познания и деятельности рассматривается как осуществление прагматических, синтаксических и семантических правил. Результат рассуждения заключается в том, что выделяются и характеризуются 18 типов неопределенности. Для ступеней рецепции неопределенность вводится в качестве ситуации незнания о незнании, для ступеней проекции – в качестве ситуации незнания о знании. Демонстрируется, что использование понятия неопределенности позволяет прояснить и упорядочить описание процедур репрезентации (включая наименее прозрачную, требующую проработанной метафизики ступень интеллектуальной, или разумной, репрезентации), осуществляемых в общем модельном виде человеческим сознанием. Вывод рассуждения заключается в обосновании аргумента не как риторического средства убеждения, но как способа преодоления неопределенности коммуникации, опирающегося на рефлексивную схему познания и деятельности в аналитическом подтверждении научного прогресса философского познания, понимаемого как последовательное приращение определенности относительно употребляемых в рефлексии правил семиозиса.

Ключевые слова: неопределенность; интерпретация; коммуникация; семиотика; семиотическое моделирование; рецептивный семиозис; проективный семиозис; аргумент; прогресс

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-00-01376 (18-00-00760) КОМФИ).

A.Yu. Nesterov

TYPES OF UNCERTAINTY IN RECEPTIVE AND PROJECTIVE SEMIOSIS

The article considers the problem of uncertainty within the full semiotic circle of representation of the contents of consciousness, which includes cognition as receptive semiosis and activity as projective one. The discourse presented in the article aims to describe in general terms the place and role of uncertainty at each stage of receptive and projective semiosis, and to show the semiotic nature of uncertainty in communication processes. The transcendental semiotics is applied as a method of reasoning. To represent cognition and activity processes, we use the smallest possible scheme which consists of stages of perception, reason and mind; cognition and activity are distinguished as receptive and projective directions of semiosis. Each stage of cognition and activity is considered as the implementation of pragmatic, syntactic and semantic rules. The result of the reasoning is that 18 types of uncertainty are distinguished and described. For reception stages, uncertainty is introduced as a situation of knowledge of ignorance; for projection stages it is introduced as a situation of ignorance of knowledge. We show that the use of the concept of uncertainty makes it possible to clarify and organize the description of representation procedures (including the least transparent stage of intellectual or reasonable representation requiring a well-developed metaphysics), which are carried out by the human mind in a general model form. Our conclusion consists in the following: we have substantiated the argument not as a rhetorical means of persuasion, but as a way to overcome the uncertainties of communication, based on a reflexive scheme of cognition and activity, as well as analytically confirmed the scientific progress of philosophical knowledge understood as a successive increase of certainty concerning the rules of semiosis used in reflection.

Keywords: uncertainty; interpretation; communication; semiotics; semiotic modeling; receptive semiosis; projective semiosis; argument; progress

Понятие неопределенности. Общие рамки

Неопределенность – широкое понятие, используемое во многих научных и философских дисциплинах. В теории познания неопределенность – это проблемная ситуация или ситуация знания о незнании: известно то или иное положение дел, однако не известны его основания (причины), следствия, место в более общей системе положений дел [6]. В герменевтике и теории коммуникации неопределенность – это ситуация непонимания, отсутствия мысли, когда говоришь [18, с. 88]: известно, что речь идет о том или ином знаке или сообщении, однако не известно его значение, правила построения, условия применимости. В праксиологии неопределенность – это ситуации интуиции: известно, что то или иное действие субъекта приводит к достижению цели, одна-

ко не известны алгоритм, условия возможности, фактически исполняемые в этом действии задачи [1].

Эпистемологически противоречивые ситуации с максимальной и минимальной неопределенностью – это интенциональный объект познания (явление) и технический объект, взятые в рамках классических определений. Оппозиция такого рода фиксируется философией техники, когда речь идет о противопоставлении познаваемых естественных и создаваемых искусственных вещей: реальное существование естественного объекта предшествует извлечению его сущности человеком в акте познания, и наоборот, сущность искусственного объекта в виде конструкции, схемы или чертежа предшествует его существованию в виде материального объекта [5, с. 134 f.]. В случае явления известно о непознаваемости его сущности, тем самым оно максимально неопределенно. В случае технического объекта известна его сущность и возможные варианты исполнения, тем самым оно минимально неопределенно.

Герменевтически противоречивые ситуации с максимальной и минимальной неопределенностью – это дескриптивные предложения на естественном языке и чистые предложения языка математики. Значение первого требует для понимания (как перехода от знака к его значению) применения принципа «конгенитальности» или «формальной однородности в организации познающего духа» [9, с. 114], то есть нуждается в реконструкции множества контекстов, начиная с принципов организации алфавита или биологии артикуляционного аппарата и вплоть до анализа конкретики ситуации применения языка в описании, фиксируемом таким предложением. Значение второго исчерпывается его смыслом (как способом данности значения), то есть требует для понимания сведения к месту в аксиоматической системе. Максимальной неопределенностью обладают предложения объектного языка, описывающие положения дел в реальном мире, минимальной – предложения двоичного кода, где каждый элемент имеет значение «не ноль», «не единица» или «не пробел».

Праксиологически противоречивые ситуации с максимальной и минимальной неопределенностью – это ситуации интуитивного действия, с одной стороны, и ситуации внедрения и применения технических регламентов, с другой. Интуиция как пересборка опыта при переходе от познания к действию, как правило, не осознается действующим субъектом. Максимальная степень неопределенности выражается чувственной интуицией, посредством которой характеризуют творчество

«наивных художников», элементы повседневной деятельности, спонтанность принятия решений и т.п. Эпистемологически интуиция выражается ситуацией незнания о знании: действие осуществляется в рамках неотрефлексированного субъектом – неосознаваемого, фонового или «личностного» знания, – которым субъект располагает в силу воспитания, обучения и опыта. В чувственной интуиции не осознается правилосообразность ни материального мира восприятия, ни рассудка, ни разума. Рассудочный и разумный виды интуиции подразумевают уменьшение неопределенности как осознание субъектом действия правил, по которым функционируют физический мир, мышление и рефлексия. Минимальная степень неопределенности выражается техническим регламентом, построенным на основании разумной интуиции и содержащим полный алгоритм, гарантирующий достижение заданного результата конечным числом операций.

Неопределенность характеризует процедуры познания, коммуникации и технического (творческого) действия. Для семиотического подхода эти процедуры суть различные способы осуществления семиозиса («процессов, в которых нечто выступает в качестве знака» [12, с. 47]). Познание как субъективирующая деятельность – это рецептивный семиозис, состоящий из восприятия, рассудка и разума (как минимально необходимого перечня ступеней процесса репрезентации созданием своих содержаний). Техническое (творческое) действие как объективирующая деятельность – это проективный семиозис, обращающий порядок следования ступеней познания: если задачей познания является формирование понятия на основании чувственного восприятия и рассудка, то задачей технического действия является создание объекта восприятия или предмета рассудка на основании понятия. Коммуникация – это трансляция значений посредством их кодирования интересубъектными языками, в которой решаются задачи выражения и понимания [14; 15].

Семиозис подразумевает осуществление в каждом знаке трех типов правил: семантических, синтаксических, прагматических (к прагматическим правилам следует относить и правила материального осуществления знакового процесса). Каждая ступень познания или действия есть семиотический правилосообразный процесс, фиксируемый посредством присущих только ему значений, смыслов и интерпретант. Следовательно, и для рецептивного, и для проективного семиозиса выделяются по 9 минимально возможных типов правил: семантические, синтаксические и прагматические правила восприятия, рассудка и

разума, взятые как для вектора субъективации, так и для вектора объективации. Каждое из учитываемых в анализе семиозиса познания и деятельности правил допускает ту или иную неопределенность, возникающую вследствие ограничения правилом той или иной области содержания сознания. Онтология правил может быть введена в терминах оппозиций формы и материи, структуры и содержания, бытия и небытия и представляет собой частный случай онтологии границ или диалектики как системной теории развития в смысле «Энциклопедии...» Г.В.Ф. Гегеля [3]. Наиболее сложным предметом анализа в рамках задачи формализации разнородных неопределенностей является коммуникация, поскольку она по определению включает в себя множественные процедуры познания и действия, осуществляемые отправителем и получателем сообщения [13].

Неопределенность в рецептивном семиозисе

Рецептивный семиозис или процесс познания в общем смысле включает в себя ступени восприятия, рассудка и разума. В трансцендентально-семиотическом выражении восприятие – это формирование сознанием явлений, то есть способов данности или смыслов реально существующих «значений» или «вещей в себе», задаваемое прагматической нормой. Прагматическое правило определяет общие системные границы восприятия на фоне среды, в которой оно осуществляется, отделяет воспринимаемое от невоспринимаемого; синтаксическое правило задает комбинации системных элементов, в которых выражается воспринятое, семантическое правило создает собственно объекты как места системы, через которые обозначаются фрагменты реальности как «вещи сами по себе». Неопределенность в виде знания о незнании для этой ступени семиозиса возникает в семантике в виде знания о принципиальной недоступности реальности вне той или иной синтаксической формы ее учета; в синтаксисе – в виде знания о (исторически и эволюционно во многом случайной) физиологической обусловленности форм восприятия, о возможности их количественного изменения посредством биологических или кибернетических технологий; прагматически – в виде знания об ограниченности учитываемой посредством системы органов чувств и их приборных расширений среды, о возможности качественного изменения ее параметров при изменении параметров системы восприятия. Неопределенность чувственного восприятия в семантическом плане является источником мистического опыта, од-

ним из исторически наиболее устойчивых оснований онтологических разногласий относительно реализма и конструктивизма; в синтаксическом – источником проблем (если под проблемой в первом приближении понимать наложение друг на друга сходных, но не тождественных комбинаций восприятия), исследовательского интереса и прогресса, связанного с поиском способов диссоциации врожденных и создания новых правил образования и преобразования элементов системы восприятия; в прагматическом – источником неослабевающего на протяжении истории европейской цивилизации интереса к поиску новых форм чувственности, добавлению новых и устранению «лишних» элементов в системе восприятия с целью изменения качества восприятия, то есть изменения границ среды, фиксируемой системой навыков, управляющих органами чувств.

Степень рассудочной репрезентации в процессе познания подразумевает использование интересубъектных и «внутренних» категориальных, логико-грамматических форм или «языков» (в лингвистическом смысле термина «язык») для представления объектов чувственно-го восприятия. Прагматические правила представляют собой навыки употребления языков, разграничивающие кодируемое и декодируемое средствами того или иного набора символов, слов, предложений или категорий; синтаксические правила осуществляют как преобразование наборов символов, слов, предложений или категорий, позволяющее сформировать место репрезентируемого содержания в системе выражения данного языка; семантические правила связывают в акте референции смысл как место в системе выражения и сформированное чувственным восприятием «явление». Это наиболее изученная в рамках общей семиотики степень познания [19]. Для простейшего случая «внутреннего языка» семантическая неопределенность возникает здесь в виде «асимметрии языкового знака» или несовпадения смысла и значения, то есть в качестве знания о принципиальной нетождественности способа задания некоторого содержания языковым знаком и самого задаваемого (обозначаемого) содержания. Она является источником вопроса о корреспондентской истинности высказывания и формулируется в виде традиционной проблемы обозначения (проблемы значения, проблемы референции). Синтаксическая неопределенность возникает в виде знания о едва ли не бесконечных комбинаторных возможностях, которыми располагает любая развитая система знаков, и которые позволяют выстроить любую систему мест выражения. Она является источником вопроса об исследуемых разными разделами лингвистики

внутренних механизмах языка, приводящих к ситуации выражения некоторого содержания именно данным местом как словом или предложением (почему «а» выражается формой или местом ««а»»?). Прагматическая неопределенность возникает как знание о категориальной, логико-грамматической или собственно языковой заданности картины мира. Фиксация рассудком своих предметов, несмотря на то, что (для простейшего случая «внутреннего языка») каждый из этих предметов является репрезентацией конкретного чувственного явления, осуществляется в системе выражения, не изоморфной системе упорядочивания явлений восприятием. Следствием этого тривиального факта является то, что всякое конкретное описание показывает определенную языковую «картину мира» или же демонстрирует определенный тип «языкового мышления» (в виде сугубо языковых способов генерализации предметов и объектов сознания), ограниченный навыками употребления того или иного конкретного языка.

Неопределенность семантики рассудочной репрезентации успешно преодолевается в моделях «внутреннего языка мышления» с физиологически заданными прагматическими предпосылками, в логических моделях объектного языка, выражающего себя в «протокольных предложениях», в искусственных языках математики, элиминирующих категорию значения и использующих в качестве «значения» знака его смысл, то есть его место в системе знаков. Однако семантическая неопределенность возвращается всякий раз, когда модели такого рода или предложения математики оказываются соотнесены с наборами явлений, которые они вынуждены тем или иным способом репрезентировать. Неопределенность синтактики порождает лингвистический поворот начала XX в., разъединяющий собственно правила обозначения и правила выражения («принцип толерантности» Р. Карнапа [17, с. 44]), и является основанием модели «вторичных семиотических систем» [11, с. 21 f.]. Неопределенность синтаксических правил рассудочной репрезентации фиксируется сугубо метаязыковым образом и не снимается даже в модельном виде какими-либо историческими или научными конкретизациями. Неопределенность прагматики фиксируется научными моделями типа гипотезы Сепира-Уорфа или метафорами вида «язык – дом бытия», «бытие, которое может быть понято, есть язык», «мир есть текст» и т.п., демонстрирующими отсутствие у человека возможности предметной репрезентации каких бы то ни было содержаний сознания вне тех или иных механизмов внутреннего или внешнего языка, с одной стороны, и обусловленность всякого предметного

содержания сознания языком его выражения, с другой [20]. Последние два вида неопределенности и по настоящее время составляют предмет сугубо философских исследований, обусловливаемых невозможностью выйти из языка в процессе его определения.

Степень разумной или интеллектуальной репрезентации в процессе познания в (нео)кантианстве появляется тогда, когда необходимо определить место таких содержаний сознания, которые не могут быть отнесены ни к содержаниям восприятия, ни к содержаниям рассудка. С одной стороны, категория разума отвечает за формирование и применение системы понятий как высшей и наиболее точной формы мышления, с другой стороны, разум выражает себя в том числе и в «мистическом чувстве», в художественных «фантазмах», в категориях целеполагания и воображения, то есть в способности создавать и учитывать «новое» как нечто эпистемически отсутствующее в репрезентациях восприятия и рассудка. Как правило, категория разума связывается со способностью к самопознанию, так что категориальная структура рефлексии оказывается синтаксисом разумной репрезентации, схватываемые этой структурой содержания – ее семантикой, а условия возможности и уровень осуществления – интерпретантами. В терминах логического позитивизма и аналитической философии языка категория разума может быть определена в качестве инстанции сознания, обеспечивающий референцию как наложение форм языка на формы чувственного восприятия, обеспечивающей возможность вывода в условиях неполной индукции, возможность абдукции как выдвигения тех или иных новых объясняющих гипотез, возможность создания субъективных представлений при интерпретации неэпирических терминов и т.п. И. Кант оставлял за разумом функции созерцания и конструирования [8, с. 534-535 f.], а поскольку в начале XXI в. тот факт, что всякое созерцание является элементом или этапом конструирования, не вызывает сомнений, постольку степень разумной репрезентации познания рассматривается нами в контексте проективного семиозиса.

Неопределенность в проективном семиозисе

Проективный семиозис или процесс деятельности в общем смысле представляет собой обращение, то есть изменение порядка следования ступеней познания и включает «идею» как продукт разума, «схему» или «конструкцию» как продукт рассудка и «исполнение» или «реализацию» как продукт материальной обработки, попадающий

в сферу чувственного восприятия. Если трансцендентальная схема познания обсуждается, начиная с Н. Кузанского, то трансцендентальная схема деятельности – результат философии техники XX в., полученный П.К. Энгельмейером и Ф. Дессауэром. Основная сложность трансцендентальной философии деятельности заключается в выявлении, описании, классификации и объяснении изменения вектора сознания от рецепции к проекции, от субъективации к объективации, то есть взятого в себе перехода от познания к собственно деятельности. П.К. Энгельмейер связал его с понятием интуиции, включив в его содержание неосознаваемую и осознаваемую «пересборку опыта» субъекта, влекомую таким переходом [16, с. 39, 60].

Понятие неопределенности способно существенным образом конкретизировать представление об интуиции как о пересборке опыта, осуществляющейся в той точке, где разум перестает созерцать, то есть наполнять содержанием системы своих понятий, и начинает конструировать, то есть применять тем или иным образом определенные понятия. Прагматические навыки разумной репрезентации, то есть условия возможности рефлексии, – один из наиболее сложных вопросов теории познания (являются ли они приобретенными или врожденными?), раскрывающийся в обсуждении возможности изменения способов, форм или механизмов рефлексии. Обсуждение такого рода, как правило, связано либо с проблемой «другого сознания» (как задачи достижения взаимопонимания в диалоге между представителями востока и запада, «колыбельных» и «современных» цивилизаций и т.п.), либо с проблемой научности философии [4] как особой системы знания (является ли философия наукой? имеет ли место прогресс в философии? в чем заключается содержание «прогресса»?). Фактический результат дискуссий по этим вопросам заключается в том, что интерпретанты рефлексии действительно изменяются сообразно с ростом философского знания и отработкой навыков его применения. Это означает, что рефлексия есть семиотический процесс, задаваемый прагматическим правилом различения среды и системы, осуществляющийся в синтаксисе категориальных форм и объективирующий себя в семантике «идей», «конструкций» и «исполнений».

Степень разумной репрезентации может быть охарактеризована как с рецептивной, так и с проективной стороны. Неопределенность в виде знания о незнании (характерная для вектора рецептивного семиозиса) на уровне прагматических правил рефлексии показывает платонистскую картину мироздания: потенциальный космос содержит бес-

конечное множество прагматических правил рефлексии, из которых в актуальном, доступном субъекту космосе реализуются только те, которые он смог освоить. Неопределенность в виде незнания о знании (характерная для вектора проективного семиозиса) на уровне прагматических правил рефлексии показывает условно конструктивистскую картину: прогресс рефлексии есть последовательное освоение, перевод в область осознаваемого и категориально оформленного знания инстинктивных бессознательных навыков и приемов деятельности, заложенных природой или эволюцией.

На уровне синтаксиса разумная репрезентация характеризуется произвольностью и неупорядоченностью. Последовательное открытие правил образования и преобразования разума (правил, по которым возникает идея, работает воображение, осуществляется целеполагание) составляет содержание прогресса в собственно философском познании. Неопределенность синтаксиса разума («дух веет, где хочет») выражается в том, что при переходе от познания к действию, вызванном проблемой (страданием, любопытством, потребностью или желанием), перекомбинируются все осознаваемые и неосознаваемые элементы сознания, независимо от их расположения на тех или иных ступенях репрезентации, создавая системный смысл как место выражения, через которое означивается «идея» и возникает «новое содержание сознания». Синтаксическая неопределенность разумной ступени проективного семиозиса раскрывается в качестве семиотической характеристики того положения дел, которое П.К. Энгельмейер назвал пересборкой опыта в акте интуиции.

Семантическое правило разума, как и прагматическое, различается для рецептивного и проективного векторов репрезентации. В первом случае разумом обозначаются «врожденные идеи», «эйдосы», «формы», «предустановленные формы решений» и иные подобные пребывающие в потенциальном космосе сущности, доступ к которым обеспечивается интерпретантой и синтаксически задается реально существующим, но пока не выраженным ни в каких схемах понятием. Во втором случае разум обозначает собственно «новое»: фантазмы, изобретения и идеи, план выражения которых скрыт, а план содержания не может быть извлечен до тех пор, пока они не окажутся сформулированными средствами рассудка. Неопределенность семантического правила для рецептивного вектора разумной репрезентации связана с «идеальным» (в платонистском смысле) характером обозначаемых объектов и идентична неопределенности семантического правила чувственного

восприятия. Его неопределенность для проективного вектора связана с неформулируемостью и непредставимостью идеи, приходящего в сознание субъекта «нового» иначе как средствами логико-грамматических форм рассудка. Неопределенность последнего вида удачно характеризуется формулами вида «несказанное сказанного», «непознаваемое познанного» и т.п.

Значения, полученные разумной (интеллектуальной) интуицией как первой ступенью деятельности, или «новые идеи» в широком смысле слова репрезентируются рассудком в виде конструкций, схем, образов и предложений. Правила рассудка снимают фундаментальную неопределенность построений разума, приводя репрезентируемую идею в рамки интеллигибельных intersубъективных или сугубо «внутренних» форм представления. «Бесконечное конечного», невыраженное выраженного конечными средствами рассудка, как правило, и есть форма разума, показывающая себя в виде потенциального в актуальном или незнания о знании, составляющего неопределенность рассудка. Прагматически неопределенность проективной рассудочной репрезентации связана с обнаружением собственно условий возможности знака быть знаком, выявлением их исторической (биологической или культурной) случайности, раскрывающейся для всех нижестоящих правил в качестве необходимости, синтаксически – с ограничением выбора приемлемых средств выражения, семантически – с ограничением выбора приемлемых объектов обозначения нового, чувственно отсутствующего предмета. Сложно представить себе рассудочную ступень проективного семиозиса в рамках только «внутреннего», то есть строящегося на взаимно-однозначном соответствии синтаксических смыслов и семантических значений языка. За рамками такого модельного языка рецептивная и проективная репрезентация рассудка различается в виде, например, инструментально-технического (предписательно-нормативного, регламентирующего) технического и описательно-объяснительного научного знания.

Новый предмет рассудка выражен предложениями того или иного intersубъективного языка (в широком семиотическом смысле термина «язык»). Семантически он определен только для искусственных математических языков или дедуктивных систем в силу их «чистоты», то есть отсутствия референции. В естественных языках неопределенность семантики нового обуславливает проблемы понимания и выражения в общем смысле, является краеугольным камнем художественной речи (определяемой в качестве самоценной, игровой, ложной, парадоксаль-

ной и т.п.). Для наиболее строгого случая, в качестве, например, физикалистски очищенного языка технической инструкции, семантическое правило создает новое пустое значение (новую форму еще отсутствующего, но материально возможного явления), требующее технического исполнения на ступени чувственного восприятия. Для наиболее сложного случая, в качестве, например, поэтического языка выражения жизненной мудрости, семантическое правило создает новое пустое значение как форму воображения, требующую осознанной и проработанной рефлексии над глобальными фрагментами истории и культуры. Это контрадикторные случаи проективной репрезентации в процессах коммуникации, между которыми располагаются множества положений дел, исследуемых технической герменевтикой и риторикой.

Проективное осуществление ступени чувственного восприятия, исполнение средствами материального мира или деятельность в узком смысле (преобразование объектов в действительности, доступной органам чувств) завершает процесс репрезентации. Прагматика физического мира – это границы физического различения среды и системы действия, то есть установленные наукой законы мироздания. Неопределенность прагматических правил в проективном исполнении (как для рассудочного выражения, так и для чувственного) возникает лишь тогда, когда эти правила оказываются проблематизированы фактическим исполнением (в виде ошибки, нарушения ожидания, непрогнозируемых результатов экспериментов и т.п.), при отсутствии подобной проблематизации условия возможности исполнения реализуются как необходимый системный каркас всякого осуществимого действия. Синтактика ступени исполнения раскрывается как преобразование положений дел в прямо или косвенно доступной органам чувств действительности с целью найти такую комбинацию, которая позволяет проявиться новому явлению. Формы и способы таких преобразований суть техника (в узком инструменталистском определении). Неопределенность синтаксического правила как конкретного рассудочного выражения, так и как конкретного технического действия заключается в его относительности как на фоне (всегда исторически) определенной прагматики, так и на фоне потенциально мыслимого абсолютного знания (в смысле реального тождества субъекта и объекта немецкого абсолютного идеализма или «объективной истины», к которой стремится научное знание в моделях эволюционной эпистемологии). Эта неопределенность – предмет социальной философии техники.

Проективный семиозис завешается осуществлением семантического правила исполнения. Ф. Дессауэр полагает, что новый искусственный объект как результат исполнения – это объект с существенно меньшей эпистемической неопределенностью, нежели естественный объект восприятия [5, с. 129–135]. Это действительно так, однако в результате последовательного трансцендентально-семиотического анализа процесса репрезентации необходимо признать, что семантическое правило чувственного восприятия связывает синтаксическую комбинацию как место выражения средствами органов чувств того, что остается сущим в себе или вещью самой по себе. Таким образом, новый объект проективного семиозиса в плане семантики исполнения оказывается неопределенным точно так же, как и объект естественного восприятия. Это положение дел служит источником онтологического пессимизма и технофобии, с одной стороны, с другой, заставляет человечество выстраивать культурные механизмы на таких искусственных расщудочных основаниях, которые позволяют избежать отсылки к семантике реального как в познании, так и в деятельности.

Модельный характер описанных 18 типов неопределенностей в полном семиотическом круге процессов рецептивной и проективной репрезентации содержаний сознания вполне очевиден. В реальной практике познания и деятельности, как правило, учитываются лишь синтаксические правила восприятия (исполнения) и рассудка (языков и методов конструирования), а природа деятельности выражается в формах только чувственной интуиции (осознания семиозиса исполнения). В этой связи чрезвычайно важной задачей является исследование и демонстрация интерпретационных схем, возникающих в связи с неопределенностью коммуникативных процессов как неопределенностью в самом общем и самом сложном для последовательного анализа виде.

Риторический аргумент в семиозисе коммуникации. Выводы

Коммуникация – это трансляция значений развернутыми знаками (предложениями и текстами) интересубъектных языков. Неопределенность коммуникативных знаков в общем случае носит семантический характер и требует семантических стратегий преодоления. Эпистемологическим основанием семантической неопределенности является принцип привилегированного доступа к собственным состояниям сознания (с интересубъектным характером языков процесс репрезентации

имеет дело только на ступени рассудка, чувственная и интеллектуальная ступени могут быть сообщены, лишь будучи обозначенными или выраженными средствами рассудка). Онтологическим основанием – характер или общая форма семиозиса, в которой значение коммуникативного знака определяется как чувственное явление, разумное понятие или же «новое», впервые входящее в сферу репрезентируемых содержаний как новое явление, новый предмет или новая идея, то есть требует в качестве условия коммуницируемости применения принципа исторической самождественности (формальной однородности) познающего духа.

Аргументирование – это один из инструментов преодоления неопределенности в акте коммуникации, позволяющий отправителю решить проблему выражения, то есть максимально полно выразить свои идеи, а получателю в акте рефлексии, вызванном к жизни решением задачи понимания, с максимальной точностью воспроизвести ту авторскую форму репрезентации содержаний сознания, которая выражена в тексте [7]. Аргументирование различается в зависимости от того, между какими субъектами осуществляется коммуникация: человек может коммуницировать сам с собой, с другим человеком, с природой. Аргумент как инструмент снятия неопределенности может представлять собой средство самопознания, управления опытом (памятью), средство убеждения, средство решения проблем. Будучи выраженным в языке, в идеологическом построении, в техническом решении (приборной ситуации), в научной теории аргумент позволяет адресату в рецептивном плане расширить границы познаваемого, в проективном плане – сдвинуть границу (не)мыслимого и (не)невозможного, то есть показывает за счет способа снятия того или иного типа неопределенности состояние прогресса в той или иной сфере коммуникации.

Практический результат рассуждения о типах неопределенности и аргументировании как способе преодоления неопределенности заключается в обосновании прогресса в собственно философском познании. Неокантианец И.И. Лапшин в середине XX в. показал, что философская рефлексия строится на интеллектуальных изобретениях, оказывающих не меньшее влияние на практику интеллектуальной деятельности, выраженную в способах аргументирования, нежели изобретения в области идеологии или научно-технической деятельности, на конкретные формы поведения людей в обществе или парадигмальные формы обоснования истины и осуществления технических решений. Изобретения сначала афоризма, затем диалога, и, наконец, системы [9,

с. 161–164] в качестве способов выражения обоснований истинности демонстрируют последовательность в процедурах преодоления рецептивной и проективной неопределенности, заключающуюся в открытии и техническом применении правил семиозиса, управляющих представлением содержаний в сознании человека. Этот прогресс, который переживает всякий субъект философствования, эпистемически и прагматологически заключается в приращении определенности и росте сложности учитываемых правил семиозиса.

М.Н. Вольф со ссылкой на Э. Кенни выделяет 4 типа «понимания или существования прогресса в философии: терапевтический, контекстуальный, герменевтический и аналитический» [2, с. 52], где сам прогресс «заключается в увеличении не информации, а понимания» [2, с. 55]. В терминах «Суммы технологии» С. Лема прогресс заключается в обеспечении «гомостатических решений, которые не только могут сохраняться наперекор внутренним и внешним помехам, но могут также и развиваться, то есть увеличивать область гомостаза» [10, с. 479]. Если развитие в виде эволюции технологий понимается в качестве процесса автокоммуникативной самодетерминации человечества как глобального субъекта, то чрезвычайное значение для его осуществления приобретают инструменты сохранения и трансформации накопленного коллективного опыта, то есть инструменты управления памятью при переходе от познания к действию. Роль философского аргумента в обеспечении этого перехода – сохранять и увеличивать системную сложность интуиции, выраженную границей определенного и неопределенного на каждой из ступеней познания и действия.

Литература

1. Бахметьев А.Э. Онтологические и гносеологические границы в структуре интуитивного познания // Манускрипт. – 2020. – № 1. – С. 95–98.
2. Берестов И.В., Вольф М.Н., Доманов О.А. Аналитическая история философии: методы и исследования. – Новосибирск: Офсет ТМ, 2019.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. – М.: Мысль, 1974–1977.
4. Горан В.П. Философия. Что же это такое? Часть 1 // Философия науки. – 1996. – № 1 (2).
5. Дессауэр Ф. Спор о технике. – Самара: Изд-во Самар. гум. академии, 2017.
6. Дубровский Д.И. Взаимозависимость знания и незнания // Дубровский Д.И. Обман: Философско-психологический анализ. – М.: РЭИ, 1994. – С. 85–98.
7. Ивин А.А. Основы теории аргументации. – М.: ВЛАДОС, 1997.
8. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: В 8 т. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 3.

9. *Латишин И.И.* Философия изобретения и изобретение в философии. – М.: Республика, 1999.
10. *Лем С.* Сумма технологий. – М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica, 2004.
11. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. – Ленинград, 1972.
12. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45–97.
13. *Нестеров А.Ю.* Семантические стратегии преодоления неопределенности интерпретации (на примере рецептивной эстетики и философии техники) // Философия науки. – 2019. – № 3 (82). – С. 142–153.
14. *Нестеров А.Ю.* Семиотическая схема познания и коммуникации. – Самара: Изд-во Самар. гум. академии, 2008.
15. *Нестеров А.Ю.* Семиотические основания техники и технического сознания. – Самара: Изд-во Самар. гум. академии, 2017.
16. *Энгельмейер П.К.* Теория творчества. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
17. *Carnap R.* Logische Syntax der Sprache. – Wien: J. Springer, 1934.
18. *Chladenius J.M.* Einleitung zur richtigen Auslegung vernünftiger Reden und Schriften. – Düsseldorf, 1969.
19. *Nöth W.* Handbuch der Semiotik. – Stuttgart; Weimar: Metzler, 2000.
20. *Stegmüller W.* Betrachtungen zum sog. Zirkel des Verstehens und zur sog. Theoriebedarfenheit der Beobachtungen // Hermeneutik / Hrsg. A. Bühler. – Heidelberg, 2003. –S. 191–231.

References

1. *Bakhtmetiev, A.E.* (2020). Ontologicheskie i gnoseologicheskie granitsy v strukture intuitivnogo poznaniya [Ontological and epistemological limits in the structure of intuitive knowledge]. Manuscript [Manuscript], 1, 95–98.
2. *Berestov, I.V., M.N. Volf & O.A. Domanov.* (2019). Analiticheskaya istoriya filosofii: metody i issledovaniya [Analytical History of Philosophy: Methods and Studies] Novosibirsk, Ofset TM Publ.
3. *Hegel, G.W.F.* (1974–1977). Entsiklopediya filosofskikh nauk: V 3 t. [Encyclopedia of Philosophy: In 3 vol.]. Moscow, Mysl Publ. (In Russ.).
4. *Goran, V.P.* (1996). Filosofiya. Chto zhe eto takoe? Chast 1 [Philosophy. What is it? Part 1]. Filosofiya nauki [Philosophy of Science], 1 (2).
5. *Dessauer, F.* (2017). Spor o tekhnike [A Debate on Technology]. Samara, Samara Academy of Humanities Press. (In Russ.).
6. *Dubrovskii, D.I.* (1994). Vzaimozavisimost znaniya i neznaneya [The interdependence of knowledge and ignorance]. In: Dubrovskii, D.I. Obman: Filosofsko-psikhologicheskii analiz [Deception: Philosophical and Psychological Analysis]. Moscow, REY Publ., 85–98.
7. *Hin, A.A.* (1997). Osnovy teorii argumentatsii [Fundamentals of the Argumentation Theory]. Moscow, VLADOS Publ.
8. *Kant, I.* (1994). Kritika chistogo razuma [Criticism of Pure Reason]. In: Kant, I. Sochineniya: V 8 t. [Works: In 8 vol.], Vol. 3. Moscow, ChORO Publ. (In Russ.).
9. *Lapshin, I.I.* (1999). Filosofiya izobreteniya i izobretenie v filosofii [Philosophy of Invention and Invention in Philosophy]. Moscow, Respublika Publ.
10. *Lem, S.* (2004). Summa tekhnologii [The Scope of Technology]. Moscow, AST Publ. & St. Petersburg, Terra Fantastica Publ. (In Russ.).

11. Lotman, Yu.M. (1972). Analiz poeticheskogo teksta [Analysis of a Poetic Text]. Leningrad.
12. Morris, C.W. (2001). Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the Theory of Signs]. In: Semiotika: Antologiya [Semiotics: Anthology]. Comp. by Yu.S. Stepanov. Moscow, Akademicheskiiy Proekt Publ. & Ekaterinburg, Delovaya Kniga Publ., 45–97. (In Russ.).
13. Nesterov, A.Yu. (2019). Semanticheskie strategii preodoleniya neopredelennosti interpretatsii (na primere retseptivnoy estetiki i filosofii tekhniki) [Semantic strategies of getting over the uncertainty of interpretation (the case of receptive aesthetics and philosophy of technology)]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 3 (82), 142–153.
14. Nesterov, A.Yu. (2008). Semioticheskaya skhema poznaniya i kommunikatsii [The Semiotic Scheme of Cognition and Communication]. Samara, Samara Academy of Humanities Press.
15. Nesterov, A.Yu. (2017). Semioticheskie osnovaniya tekhniki i tekhnicheskogo soznaniya [The Semiotic Bases of Technology and Technological Consciousness]. Samara, Samara Academy of Humanities Press.
16. Engelmeyer, P.K. (2010). Teoriya tvorchestva [Theory of Creativity]. Moscow, Librokom Publ.
17. Carnap, R. (1934). Logische Syntax der Sprache [Logical Syntax of Language]. Wien, J. Springer.
18. Chladenius, J.M. (1969). Einleitung zur richtigen Auslegung vernünftiger Reden und Schriften [Introduction to the Correct Interpretation of Rational Statements and Writings]. Düsseldorf, 1969.
19. Nöth, W. (2000). Handbuch der Semiotik [Handbook on Semiotics]. Stuttgart & Weimar.
20. Stegmüller, W. (2003). Betrachtungen zum sog. Zirkel des Verstehens und zur sog. Theoriebeladenheit der Beobachtungen [Reflexion on the so-called circle of understanding and the so-called theory-laden nature of observations]. In: Bühler, A. (Hrsg.) Hermeneutik [Hermeneutics], 191–231.

Информация об авторе

Нестеров Александр Юрьевич – д. филос. н., заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет. (Московское шоссе, 34, Самара, 443086, Россия).
aynesterow@yandex.ru

Information about the author

Nesterov Alexander Yurjevich – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University, Head of the Department of Philosophy. (Moscow highway, 34, Samara, 443086, Russia).
aynesterow@yandex.ru

Дата поступления 02.04.2020